

## I.

Равновѣсіе любви и долга въ повѣстяхъ Декамерона не говоритъ за внутреннюю уравновѣшенность его автора. Въ послѣднемъ двѣ нѣтъ прежняго смѣха, настроеніе серьезно-великодушно: уже зарождаются, быть можетъ, въ душѣ Боккаччо тѣ сомнѣнія, которыя позже заставятъ его отречься отъ своихъ новеллъ; сомнѣнія, навѣянные не критиками-ригористами, а опытомъ жизни. Декамеронъ конченъ въ 1353—4 годахъ, Боккаччо было лѣтъ сорокъ, и какъ у людей, страстно пожившихъ, у него явилось раннее сознаніе старости, обострившееся до отчаянія, что жизнь прошла безцѣльно, даромъ, въ плотскихъ утѣхахъ <sup>1)</sup>, въ вождельніяхъ, отъ которыхъ не спасла его и та, которая впервые ихъ возбудила <sup>2)</sup>, Фьямметта. Надо опомниться, подумать о тихой гавани спасенія <sup>3)</sup>. Къ какому времени относятся сонеты Боккаччо на эту тему — рѣшить трудно, но одинъ изъ нихъ написанъ въ 1348 году, когда началъ былъ Декамеронъ, или вскорѣ послѣ того: Боккаччо говоритъ, что перешелъ за половину отмѣреннаго челоуѣку возраста, ему было, стало быть, 35 лѣтъ, согласно съ его толкованіемъ извѣстнаго дантовскаго стиха: *Nel mezzo del cammin di nostra vita*. «Когда я оглядываюсь назадъ и вижу, что

---

1) Сонетъ XLIX: *affezion carnali*.

2) Сон. LXXXI (*appetito, fervente desio*), XCI, XCII, XCIII.

3) Сон. I; сл. еще LXV.

я миновалъ, что, можетъ быть, утратилъ, чѣмъ злоупотребилъ, потворствуя какому-нибудь влеченію—я печалюсь и гнѣваюсь на себя, понимая, что то, что дается намъ однажды, умчалось, я самъ отогналъ его отъ себя, а теперь сѣтую напрасно — ибо мнѣ не суждено возстановить новымъ счастьемъ <sup>1)</sup> мои утраты въ этой брэнной, жалкой жизни: дуга моихъ лѣтъ уже перекинулась на другую сторону, мнѣ не вернуться къ первому дню, и я вижу, близится и послѣдній» <sup>2)</sup>).

Фьямметта воспитала его любовь, годы разлуки и самонаблюденія надъ неулегшимся еще чувствомъ очистили его, дантовскія вліянія раскрыли ему перспективы идеализма, въ которыя онъ вжился воображеніемъ, которыя переживалъ художнически. Въ циклѣ сонетовъ на смерть Фьямметты ея апотеозъ укладывается въ формы, навѣяныя Данте и Чино изъ Пистойи, какъ у Петрарки и Франческо да Барберино, но въ нихъ есть искреннія, сердечныя ноты: благодарность, доносящаяся съ земли. Сонетъ LXVII повторяетъ мотивъ одного поэтическаго видѣнія въ садахъ Филоколо, только тамъ это духъ любви, здѣсь ангелъ, предвѣстникъ смерти: огонекъ спустился на золотистые волосы Фьямметты, увѣнчанныя алыми цвѣтами, огонекъ становится свѣтлымъ облачкомъ, въ немъ ангелъ, окутанный въ золото и восточный сафирь, точно жемчужина въ оправѣ золотого перстня; ангелъ уносится въ небо одинъ, въ сіяніи. Я тогда возрадовался, чая великое, говоритъ поэтъ, а мнѣ надо было бы знать, что то Господь зоветъ къ себѣ мадонну. — И она умерла: ночью по звѣздному небу поднимается огонекъ <sup>3)</sup>, чтобы занять свое мѣсто въ числѣ звѣздъ, и слышится голосъ: кто хочетъ быть со мною, тому надлежитъ быть благимъ и смиреннымъ <sup>4)</sup>. Это Фьямметта: съ собой она унесла его сердце; ея неподобной красоты не описать, кто хочетъ увидѣть ее, пусть вознесется на крыльяхъ добродѣ-

1) *Bel soggiorno?*

2) Сон. XLII.

3) *Fiamma.*

4) Сон. ХСVIII.

тели къ высотамъ, гдѣ она пребываетъ <sup>1)</sup>, откуда она спускается къ поэту: Чего ищешь ты, неразумный, чего смотришь кругомъ? Въ прахъ обратилось то тѣло, которое было когда-то предметомъ твоей страсти; почему не возведешь ты свои очи къ небу, гдѣ мое чело сіяетъ краше прежняго, полное желаній? <sup>2)</sup>.— И поэтъ стремится къ ней, ему опостыгѣла печальная юдоль жизни; онъ не будетъ пѣть про свое горе, чтобы не порадовать тѣхъ, которыхъ печалило его счастье <sup>3)</sup>. Онъ хочетъ умереть; Данте, поетъ онъ, если ты пребываешь въ сферѣ Любви, созерцающая Беатриче, увлекшую тебя за собою, и если любовь не забывается и тамъ, исполни мою просьбу: я знаю, что Фьямметта среди блаженныхъ душъ третьяго неба, она видитъ, какъ я тоскую, пусть смилуется надо мною и вымолитъ для меня скорое соединеніе съ нею <sup>4)</sup>.— Много лѣтъ спустя въ сонетѣ на смерть Петрарки тѣ-же образы и тѣ-же мысли посѣтили его еще разъ <sup>5)</sup>. Часто ему кажется, что онъ уже совлекъ съ себя тяжесть плоти и несется птицей къ той, которая въ этой жизни обудывала его своей горделивой сдержанностью <sup>6)</sup>; если бы огонь (пашта) очей, нынѣ блаженныхъ, бывшихъ мнѣ когда-то стрѣлами и цѣпями, утишилъ мои страданія и осушилъ слезы, я внималъ бы теперь ангельскому пѣнію и не заблуждался бы по стезямъ земныхъ надеждъ; но она, нынѣ безсмертная, презираетъ нашу бренность и смѣется надъ суетной мыслью, увлекающею меня туда, гдѣ она еще болѣе разжигается—и я боюсь, что мои крылья никогда не оперятся и не поднимутъ меня отъ суеты свѣта въ обитель міра <sup>7)</sup>.— Однажды это сбылось въ сновидѣніи: онъ вознесся къ небу, видитъ ее радостную, пламенѣющую, она

---

1) Сон. XXI.

2) Сон. XXIX (pien de' tuoi desiri).

3) Сон. LVIII.

4) Сон. LX.

5) Сон. XCVII.

6) Con il suo altero sdegno mi fe' guerra, сон. LXXIII.

7) Сон. XC.

протягиваетъ къ нему руку; если-бы она взяла его тогда, онъ никогда-бы не вернулся на землю <sup>1)</sup>.

Если въ этихъ сонетахъ реторика не прикрасила правды чувства, то въ №№ LXXIII, LXXXI и LXXXVII мы находимъ откровенное признаніе того, чѣмъ была въ аффектахъ Боккаччо Фьямметта. Признаніе для насъ не новое: Фьямметта обуздывала его своею сдержанностью, своей «благородною любовью», но не спасла отъ «излишней горячности духа, воспитанной неупорядоченнымъ желаніемъ» <sup>2)</sup>. Онъ продолжалъ увлекаться, будучи уже человѣкомъ зрѣлымъ и степеннымъ, принимая любовное «пламя въ свою матерую грудь», какъ маэстро Альберто <sup>3)</sup>, какъ Гвидо Кавальканти, Данте и Чино, но одна чувственность уже не поднимала его на высоту, на которой она прежде одухотворялись силами платоническаго Амура. Виѣсть съ Фьямметтой поблекли и лучи идеала, когда-то просвѣтлявшіе житейскую грязь: Боккаччо ощутилъ себя прежнимъ Діонео, и эта мысль гнететъ его своею неизбежностью; онъ ухаживаетъ по мелочамъ и не находитъ въ этой любви того удовлетворенія, которое доставляло ему когда-то сознаніе ея присущей ей самой законности.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести его связь съ безыменной матерью его рано умершихъ дѣтей, его малолѣтней дочери Виоланты, которую онъ такъ любовно вспоминаетъ въ письмѣ къ Петраркѣ отъ 1367 года <sup>4)</sup> и въ XIV эклогѣ, гдѣ она прилетаетъ къ нему изъ райскихъ селеній въ просвѣтленномъ образѣ Олимпіи. Ей было пять съ половиною лѣтъ, когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ передъ поѣздкою въ Неаполь, очевидно въ ноябрѣ 1361 года; она родилась, стало быть, въ маѣ 1355 года.

Овидій не помогаетъ; Боккаччо приучается смотрѣть на него какъ на *doctor adulterii* <sup>5)</sup> — такова точка зрѣнія Генеалогіи бо-

1) Сон. LXXXVIII.

2) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 1.

3) I. c. I, 10.

4) Corazzini, стр. 123 слѣд.

5) Trist. II, v. 212. Сл. Art. Am. II, 497: *lascivi . . . praeceptor amoris*.

говъ <sup>1)</sup> и толкованій къ Божественной Комедіи <sup>2)</sup>; видитъ въ любви лишь физиологическій актъ, неразумное вождельбіе, вредное и безпорядочное, котораго должны остерегаться всѣ, дорожащіе своимъ достоинствомъ <sup>3)</sup>. Когда Фьямметта проводила этотъ взглядъ въ бесѣдахъ Филоколо, Боккаччьо протестовалъ <sup>4)</sup>, теперь онъ самъ склоняется къ щепетильной нравственности, къ оберегу семейнаго начала. Ему было 54 года, когда пріѣхавъ въ 1367 году въ Венецію и не заставъ тамъ Петрарки, онъ не рѣшился остановиться у его дочери, мужа которой не было въ то время дома, ибо, пишетъ онъ другу, «въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, ты знаешь чистоту моихъ отношеній ко всему, что тебя касается, но другіе того не знаютъ, и хотя моя сѣдая голова и возрастъ и тѣло, беспомощное отъ излишней тучности, должны были-бы удалить всякія подозрѣнія», тѣмъ не менѣе могли бы найтись люди, которые стали бы искать слѣдовъ тамъ, гдѣ моей ноги никогда и не было. — Мы далеки не только отъ Овидія, но и отъ понятія одухотворяющей любви; слышатся другія рѣчи:

Der Teufel, den man Venus nennt,  
Er ist der schlimmste von Allen  
(Heine, die Götter im Exil);

ригоризмъ, обращенный на самого себя, къ воспоминаніямъ, кончится сокрушеніемъ, страхомъ за принесенный вредъ — и извѣстнымъ отрицаніемъ Декамерона въ письмѣ къ Магинарду деи Кавальканти. Торжествовалъ старый нравственный критерій, къ которому такъ беззаботно относились многіе рассказы Декамерона, и Боккаччьо также страстно и нервно отдавался сознанію своей грѣховности, какъ прежде вѣрилъ въ рѣшающую силу чувства. Тогда его нормировала Фьямметта, теперь онъ искалъ успокоенія въ руководствѣ Петрарки.

1) I. XIV, с. 19.

2) Iez. XVII, vol. I, 408—9 ed. Milanese.

3) Canzone I.

4) Сл. выше т. I, стр. 169—70.

Все это обошлось не без борьбы, признаки которой можно услѣдить во второй части Декамерона. Прежде сознанія грѣховности явились уколы самолюбія: пора оставить любовь, ты начинаешь сѣдѣть, пожалѣй себя, говоритъ себѣ Боккаччо <sup>1)</sup>; онъ увлекался и бывалъ обмануть; серьезныя люди говорили ему, что ему мѣсто на Парнасѣ и любовь не по возрасту <sup>2)</sup>; онъ забывалъ одно и помнилъ другое: онъ человѣкъ ученый, школяръ—и надъ нимъ-то наглумились! Въ 7-й новеллѣ VIII-го дня школяръ завлекъ на башню проводшую его вдову и, заставляя ее печься на солнцѣ, тѣшитъ вслухъ своей мстью надъ «дрянной и преступной» бабой, изъ-за которой едва не умеръ «порядочный человѣкъ», чья жизнь можетъ въ одинъ день принести свѣту болѣе пользы, чѣмъ жизнь ста тысячъ ей подобныхъ. Теперь онъ научитъ ее, «что значитъ издѣваться надъ людьми, у которыхъ есть какое-либо пониманіе, что значитъ издѣваться надъ учеными» <sup>3)</sup>. Если способъ мести подвернулся ему случайный, то изъ этого не выходитъ, чтобъ онъ не располагалъ другими: «еслибъ у меня не было ни одного пути, у меня все-таки оставалось-бы перо, которымъ я написалъ бы о тебѣ такое и такъ, что еслибъ ты узнала о томъ,—а ты узнала бы навѣрное—тысячу разъ пожелала бы не родиться на свѣтъ. Могущество пера гораздо больше, чѣмъ полагаютъ тѣ, которые не познали его на опытѣ. Клянусь Богомъ...., я написалъ бы о тебѣ такое, что, устыдившись не только другихъ, но и самой себя, ты, лишъ бы не видѣть себя, вырвала-бы себѣ глаза; потому не упрекай море, что небольшой ручеекъ умножилъ его воды» <sup>4)</sup>.

Угрозы школяра привелъ въ исполненіе авторъ Корбаччо; краски Декамерона, сатирическія выходки Гвидо Кавальканти (Guata, Manetto, quella scignatuzza) и Чекко Анджольери (Deh! guata, Ciampol, ben questa vecchiuzza) блѣднѣютъ передъ завзя-

1) Сон. LXIV.

2) Дек. Вступленіе въ IV-й день = пер. I, стр. 272.

3) Дек. VIII, 7 = пер. II, стр. 150.

4) I. с. стр. 151.

тымъ реализмомъ, полнымъ шаржа и гнѣва и ювеналовскихъ мотивовъ; до такой яркости сатиры, личной и вмѣстѣ житейской, Боккаччо поднялся развѣ еще разъ въ письмѣ къ Нелли, но уже въ одномъ изъ его юношескихъ посланій къ какому-то анониму<sup>1)</sup> встрѣчаются тѣ-же приливы страстнаго негодованія и угрозъ: онъ сошелся съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который обманулъ его дружбу, выдавъ кому то довѣренную ему тайну, окруживъ себя обществомъ, которое замятало имя Боккаччо — и онъ величаетъ его Діонеемъ, Эбіономъ, Кассилидомъ, громитъ въ письмѣ, накапливая всѣ ужасы реторики, и заставитъ испытать еще бѣльшую кару, о которой тому и не снилось.

Corbaccio—воронъ, грающій недоброе: это сторона сатиры; второе заглавіе подсказываетъ мораль: *Labirinto d'amore*.

*Hunc mundum typice labyrinthus denotat iste  
Intranti largus, redeunti sed nimis artus*

гласить подпись подъ мозаичнымъ изображеніемъ лабиринта, X-го вѣка, на полу церкви S. Savino въ Пьяченцѣ. Лабиринтъ— это жизнь, погрязшая въ грѣхахъ любви, откуда трудно выбраться безъ *Виргилія*, говоритъ Боккаччо; кто вступитъ въ этотъ гибельный лабиринтъ<sup>2)</sup>, толкуетъ онъ въ *De Casibus*<sup>3)</sup>, либо бываетъ изверженъ изъ него послѣ долгихъ обманчивыхъ блужданій, либо погибаетъ отъ усилій и разставленныхъ ковъ. Божественная Комедія подсказала въ Корбаччо образы для страстной инвективы противъ Амура, какъ опредѣлила аллегорическій стиль *Любовнаго Видѣнія*. Корбаччо его прямое отрпцаніе: кругъ развитія завершился.

Страстность Корбаччо несомнѣнно отражаетъ личный фактъ: Боккаччо увлекся какой-то вдовой и нашелъ соперника. Сохранился его игривый сонетъ къ *Антоніо Пуччи*: ему нравятся вдова и дѣвушка, равныя по красамъ и добродѣтелямъ; обѣихъ любить

1) Corazzini, стр. 441 слѣд.

2) *Huius . . . pestis . . . labyrinthum*.

3) l. IV, c. 19.

невозможно; какую предпочесть? Пуччи отвѣчаетъ, раскланиваясь: твои нѣжные, идущіе отъ сердца стихи <sup>1)</sup> такъ запали мнѣ въ сердце, что я весь къ твоимъ услугамъ, и хотя сознаю себя во всѣхъ отношеніяхъ недостойнѣе тебя <sup>2)</sup>, отвѣчу, какъ съумѣю: кто влюбился въ дѣвушку, никогда не увѣренъ въ томъ, что получитъ; потому говорю тебѣ, какъ отецъ сыну: ради вдовушки оставь лилію,

*Che per la viduetta lasci il giglio* <sup>3)</sup>.

Относится-ли это поэтическое преніе къ факту Корбаччо—мы не знаемъ; ясной кажется связь послѣдняго съ новеллой о школярѣ: тамъ и здѣсь положеніе то-же, мѣсть «перомъ», которую сулитъ новелла, исполнена въ сатирѣ; таковы могли быть и ихъ хронологическія отношенія. Разсказъ о школярѣ является въ 8-мъ днѣ Декамерона, оконченнаго, какъ думаютъ (безъ точныхъ, впрочемъ, оснований), около 1353 года; въ Корбаччо говорится объ авторѣ, что онъ уже сорокъ лѣтъ, какъ выпелъ изъ пеленокъ, и лѣтъ двадцать пять, какъ позналъ обычаи свѣта <sup>4)</sup>. На пеленки полагаютъ два года, что даетъ съ сорока годами — сорокъ два; это отнесло-бы насъ къ 1355 году. Мнѣ кажется, что вопросъ о пеленкахъ здѣсь лишній и что изъ общаго мѣста нельзя извлечь хронологіи: Боккаччо было лѣтъ сорокъ — вотъ все, что можно добыть изъ указаній сатиры; это было въ 1553 году, и именно въ концѣ года <sup>5)</sup> или началѣ 1354, по флорентинскому лѣтосчисленію, начинавшемуся съ 25 марта. Легко представить себѣ, что одинъ и тотъ-же пережитый поэтомъ урокъ отложился у него въ новеллу, кстати, пристроившуюся къ схемѣ захожей повѣсти, и въ обличеніе Корбаччо; ихъ мизогиническое настроеніе одно и то-же.

4) *Le tue dolci rime naturali.*

2) *Bench'io d'ogni esser sia di te minore.*

3) Сл. въ *Rime di Giovanni Boccacci ed. Moutier*, стр. 98—99.

4) *Corbaccio*, стр. 183.

5) Сл. *ib.* стр. 187: *perciocchè volere dir tutto non ne basterebbe l'anno il quale è tosto per entrar nuovo.*